

29

X 20

6544к

Характер
Чувашских языческих
Молитвословий и наговоров.

РЕДКАЯ КНИГА

в 544к N
СМ

ПРОВЕРЕНО
26 NO

X 20
6544-к.

1930

кх

Характеръ чувашскихъ языческихъ молитво- словій и наговоровъ.

I.

Земная жизнь человѣка наполнена страданіями, лишеніями, болѣзнями и различными бѣдствіями, которымъ никогда не будетъ конца на землѣ. То человѣка угвѣтають душевныя и физическія болѣзни, то матеріальные недостатки, то человѣкъ часто страдаетъ отъ стихійныхъ явленій: грозы, дождя, града, бури, огня, засухи, землетрясенія и проч. Нѣтъ на землѣ ни одного народа, ни одного человѣка, который бы провелъ земную жизнь безъ печали и страданій. Но бываютъ въ жизни человѣческой, какъ частной, такъ и общественной, и радостныя событія. Признавая бытіе Верховнаго Существа, создавшаго міръ и управляющаго міромъ, человѣкъ естественно его и считаетъ высшею причиною всѣхъ случающихся въ жизни явленій, — какъ радостныхъ и счастливыхъ, такъ печальныхъ и бѣдственныхныхъ, — и въ томъ и другомъ случаѣ обращается къ этому Существому съ соотвѣтственною молитвою и жертвою. За полученныя благодѣянія и милости человѣкъ обращается къ Богу съ благодареніемъ, въ несчастныхъ же случаяхъ съ просьбою о помилованіи и помощи. Такъ мы, христіане, въ счастливыя минуты жизни спѣшимъ благодарить Господа-Благодѣтеля, а въ трудныя минуты умоляемъ Его помиловать насъ и ниспослать свою благодатную помощь и утѣшеніе. Для тѣхъ и другихъ обстоятельствъ существуютъ особыя молитвословія, въ которыхъ выражаются соотвѣтственныя случаю чувствованія человѣка, моленія и прошенія. Подобныя молитвенныя обращенія къ Богу существуютъ не у

6544-к

кх 292

чувашская республика

однихъ христіавъ, но и у всѣхъ народовъ земного шара, со-
отвѣтственно ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Безъ религіи нѣтъ
ни одного народа, на какой бы низкой степенн духовнаго раз-
витія онъ ни стоялъ. Молитва же къ Богу есть необходимое и
самое первое проявленіе религіознаго сознанія и чувства.

Мы намѣрены на этотъ разъ ознакомить читателей съ ха-
рактеромъ *чувашскихъ* языческихъ молитвословій и наговоровъ
которыя почти до настоящаго времени сохраняются среди ста-
раго чувашскаго ноколѣнія и сопровождаются различными обря-
дами и жертвоприношеніями, вредно вліяющими на нравственное
и экономическое положеніе чувашъ. Знаніе этихъ молитвословій
и наговоровъ имѣетъ немаловажное значеніе и съ миссіонерскою
точки зрѣнія. Знакомство съ ними дастъ возможность миссіонеру
и пастырю чувашскаго прихода, прямѣе и цѣлесообразнѣе на-
правлять свои бесѣды противъ языческихъ понятій и суевѣрій и
поучать язычествующихъ инородцевъ поклоняться и молиться
христіанскому Богу въ *духъ* и *истинн*.

Приведемъ прежде всего здѣсь нѣкоторыя чувашскія язы-
ческія молитвословія, чтобы дать понятіе объ ихъ содержаніи
и характерѣ.

Самое главное моленіе у чувашъ бываетъ лѣтомъ, въ Пег-
ровъ постъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ четвергъ на Троицкой
недѣлѣ, о дождѣ и урожаѣ хлѣба. Здѣсь читается слѣдующая
молитва:

„На небѣ — Богъ, на землѣ — Царь! Помилуй Боже! Отъ
прадѣдами установленнаго порядка мы не отступаемъ, новаго
своего ничего не прибавляемъ, а потому, въ точности исполняя
нашъ честный и правильный молянъ, всѣмъ чернымъ людомъ,
всей деревней - семьей, съ нреклоневіемъ главы покорной, сею
жертвою Тебя поминаемъ, подъ Твой покровъ прибѣгаемъ, Боже!
Аминь. Помилуй, Боже!“

„Преблагаго Бога Мати, помилуй! Всѣмъ чернымъ людомъ,
всей деревней - семьей, съ преклоненіемъ главы покорной, сею
жертвою Тебя поминаемъ, подъ Твой покровъ прибѣгаемъ, Боже!
Помилуй, аминь, помилуй!“

„Уроди ты, Боже, хлѣба намъ безобидно, хватило бы его

намъ на годъ круглый. Посѣявъ въ полѣ семи видовъ зерна хлѣба, (просимъ) сподоби, Боже, отъ каждаго посѣяннаго зерна получить тысячу зеренъ. Аминь, помилуй, Боже!“

„Отъ краснаго палѣщаго солнца, отъ грома, молнии, пожара, отъ дѣйства духа злобы, отъ злаго глаза, гнѣва — ярости сохрани, сбереги, Боже! Аминь, помилуй, Боже!“

„Отъ навѣта, клеветы человѣческой, отъ врага-неавист-пика, отъ вора-лиходѣя сохрани, сбереги, Боже! Аминь, помилуй, Боже!“

„Когда хлѣбъ въ снопы сожнемъ, въ снопахъ умножи; складемъ кучки сноповъ, въ кучкахъ умпожи; въ копны сложимъ, въ копнахъ умпожи; при перевозѣ наложимъ на возъ, въ возахъ умножи; на гумно свеземъ — въ скирды сложимъ, въ скирдахъ умножи; на овинъ сушить посадимъ, черезъ огонь подай сохранны получить. Семи видовъ зерна, въ семи сусѣкахъ имѣть подай. Гдѣ отдано, сдѣлай незамѣтнымъ; гдѣ взято, не убавляй! Помилуй, Боже, Аминь!“

„Добраго Царя батюшки подать исправить подай, Боже! Съ домою — семьею своею, добрыми чадцами своими, добрыми со сѣдями-друзьями, добрыми гостями-сродниками, всей деревней-семею вкупѣ для питья-ѣды изобиліе подаждь, Боже! Какъ добрыя ласточки межъ собой щебечуть, такъ и намъ добрыми устами бесѣдовать, въ радости пить-ѣсть подаждь, Боже! Помилуй, Боже!“

„Не скажи, Боже, того, что не умѣю словъ говорить, что не умѣю просить, но къ тремъ моимъ словамъ Самъ прибавивъ съ любовью прими, Боже, нашу бессмысленную молитву! Всякое дѣйство лукаваго отринь отъ насъ, Боже, туда, куда не доходить дымъ-угарь. Открывъ небесныя щедроты Твои, ниспосли намъ благодать, Боже! Аминь, помилуй, Боже!“

„Рѣзаку и лемеху легкость, лошади матушкѣ силу и крѣпость подаждь, Боже! Помилуй, Боже, Аминь!“

„О, Господи! Ты, по Твоимъ великимъ щедротамъ, дай намъ хлѣба, для чего ниспосли къ намъ дождь. Дай намъ самимъ всякаго благодѣянія и здоровья. О, Господи, помилуй, не

оставь! Для этого мы Тебѣ, всенародно поминая и почитая, приносимъ въ жертву быка и овецъ“.

При принесеніи въ жертву Богу пива за новый хлѣбъ читается слѣдующая молитва:

„Во имя Бога! Умилосердись, Боже! Посѣянный хлѣбъ уроди изобильно; съ сыновьями, дочерьми призываю, помилуй! Стволь у хлѣба какъ камышь дай, зерно какъ яйцо по вкусу, дай; къ двери дай зятя, впереди — невѣстку; скотный дворъ полонъ скота дай; одинъ конецъ на скотномъ дворѣ, другой у водопоя былъ бы. Богатымъ человѣкомъ сдѣлай! Аминь. За жертву помилуй! Помилуй! Ненавистниковъ людей, Боже, отстрани; глазъ ихъ пусть видить, но рука ихъ да не достанетъ; а благожелатель пусть идетъ ко мнѣ пиво пить; устрой Боже, чтобы недостающее восполнялъ этотъ ковшъ“.

„Боже, добра дай, здоровья дай! За новый хлѣбъ благодарю, кланяюсь; отъ одного посѣяннаго зерна тысячу зеренъ дай! Отъ будущихъ бѣдствій, несчастій, отъ веровъ, отъ пожаровъ сохрани; при плаваньи по большой водѣ — отъ перелома весла береги; отъ большого вала, отъ качанія лодки; что нужно продать, по хорошей цѣнѣ продать дай; проходящаго голоднымъ накормивши отпустить дай; приходящаго озябшимъ отогрѣвши отпустить дай; трехъ сортовъ хлѣбъ въ трехъ клетяхъ положить дай, обогащая дай богатства; трехъ сортовъ скота три карды дай; отъ одного волоска умножиться дай; отъ одного до тысячи дойти дай; къ лошади жеребенка дай; къ коровѣ теленка дай; къ овцѣ ягненка дай; дорожной прибылью обрадуй, изъ земли хоть вынувши дай; и сверху хоть внизъ спустивши дай; прибылью поля обрадуй; по правозѣ на гумно прибылью гумва обрадуй; когда положишь въ сусѣкъ — прибылью сусѣка обрадуй; смолотой мукѣ нестоимость дай; купленной соли нестоимость дай; въ трехъ поляхъ три полузагона посѣять дай“.

Вотъ содержаніе двухъ чувашскихъ языческихъ молитвословій. Подобное же содержаніе имѣютъ почти и всѣ остальные. Читая эти молитвословія поражаешься однообразіемъ и скудостью ихъ содержанія. Въ нихъ говорится исключительно только о матеріальныхъ, чувственныхъ, временныхъ и земныхъ нуждахъ

и потребностяхъ человѣка. Испрашивается у Бога богатство, счастье, здоровье, прибыль во всемъ — хлѣбъ, скотъ, благополучіе въ семейной жизни и т. п. „Да не оставитъ Богъ, говорится въ чувашской молитвѣ, да дастъ прибыль! Въ наступившій годъ еще больше да дастъ. Да пошлетъ Богъ прибыль! пить, ѣсть спорынью да дастъ. Неубавь! Счастье да дастъ. Спереди стереги и сзади стереги! Единый Боже, не оставь! Даруй, чтобы этого новаго хлѣба доставало на ѣду изъ года въ годъ!“¹⁾ и прочее все въ этомъ же родѣ. Далѣе этихъ низменныхъ интересовъ молитва язычника не идетъ.

Какая безконечная разница чувствуется, если мы будемъ сравнивать эту языческую молитву съ христіанскою! Онѣ существенно различны — и по предмету, и по духу, и по настроенію и чувству молящихся, и по выраженію. Молитва христіанина есть бесѣда души съ Богомъ, возношеніе ума и сердца къ Богу, съ чувствомъ смиренія, (окрушенія, любви и всецѣлой преданности волѣ Божіей. Ничего подобнаго нѣтъ въ чувашскихъ молитвословіяхъ: тутъ простая просьба о житейскихъ земныхъ нуждахъ и благодарность за ихъ удовлетвореніе. Отношенія человѣка къ Богу, здѣсь совершенно подобны отношеніямъ людей между собою. Христіанская молитва требуетъ отъ молящагося соответственнаго настроенія душевнаго — примиренія съ врагами, прекращенія всякой вражды, а чувашевинъ-язычникъ молится объ отмщеніи врагамъ: „кто меня почитаетъ, того почти, а кто меня не почтетъ, тому отомсти“. „Да придетъ благожелатель, да удалится зложелатель“, — говоритъ онъ въ своей молитвѣ. Христіанская молитва сопровождается постомъ и воздержаніемъ отъ плотскихъ похотей и беззаконныхъ дѣяній, а чувашская языческая молитва сопровождается объяденіемъ, пьянствомъ и другими непотребными дѣлами. Сердце чистое и сокрушенное христіанинъ долженъ приносить въ жертву Богу, а отъ чувашевина требуются вещественныя дары, послѣ молитвы употребляемыя крайне невоздержно самими же молящимися. „Съ нивомъ, виномъ, сощами, хлѣбомъ и деньгами приходите. Женскій полъ, взявши

¹⁾ Слова взяты изъ разныхъ молитвословій.

холстъ, полотенце, нитки, приходите! взявши съ собой барана, гуся, утку приходите! меду, медоваго пѣва взявши приходите!“ — говорится тѣмъ, которые приглашаются на молитву. „Богъ да не оставитъ! пить и ѣсть изобиліе да дастъ!“

Христіанинъ молится съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, сознавая свои прегрѣшенія предъ Богомъ и очищая себя отъ нихъ истиннымъ покаяніемъ. Не угодна Богу и не пріемлется Имъ молитва нераскаяннаго грѣшника Въ молитвахъ своихъ христіанинъ прежде всего ищетъ Царствія Божія и правды Его, умоляетъ Бога о прощеніи грѣховъ и беззаконій своихъ. „Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная и невольная“ ... — молится христіанинъ и Господь слышитъ его молитву. Въ молитвахъ своихъ чуваша совершенно не упоминаютъ о царствіи небесномъ, о будущей блаженной жизни, о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ, не просятъ Бога о прощеніи своихъ грѣховъ и беззаконій; въ ихъ молитвахъ не встрѣчается не только прямой, ясной мысли о прощеніи грѣховъ, но даже и намековъ на это; въ молитвахъ ихъ нѣтъ даже самаго слова „грѣхъ“, хотя они и знаютъ о существованіи грѣха на землѣ. О прощеніи грѣховъ своихъ чуваша не молятся, вѣроятно потому, что вѣруютъ въ предопредѣленіе Божіе. Они говорятъ: „куда Богъ пошлетъ, туда и пойдемъ, выше Бога никто не можетъ быть; спасемся ли, погибнемъ ли, все это отъ Бога зависитъ; кому что написано на лбу Богомъ (т. е. что Богъ опредѣлил), тотъ того не минуетъ“.

Въ чувашскихъ молитвословіяхъ не встрѣчается никакихъ историческихъ воспоминаній и указаній изъ священной исторіи, не упоминаются имена нашихъ св. угодниковъ Божіихъ: пророка Или, Николая чудотворца, Георгія великомученика, которые даже некрещенымъ чувашамъ извѣстны и почитаются ими¹⁾. Примѣчательно, что и среди крещенныхъ чувашъ языческія молитвословія сохраняются въ своемъ первоначальномъ видѣ, безъ всякихъ заимствованій изъ христіанства; во время молитвы они даже не ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

1) Исключеніе составляетъ развѣ упоминаніе въ молитвахъ имени Божіей Матери, и то рѣдко.

Хотя въ чувашскихъ молитвословіяхъ и выражается иногда благодарность къ Богу, но совершенно не такъ какъ въ христіанскихъ. Въ послѣднихъ слышится смиренное, сознающее свое недостойнство, но вмѣстѣ съ тѣмъ радостное чувство христіанина, изливающееся въ свѣтлой и торжественной пѣсни Богу, спасающему, милующему и благодѣющему грѣшнымъ и недостойнымъ людямъ. „Благодарни суще недостойни раби Твои, Господи, о Твоихъ великихъ благодѣяніяхъ на насъ бывшихъ, славяще Тя хвалимъ, поемъ, благодаримъ и величаемъ Твое благоутробіе и рабски любовію вопіемъ Ти: Избавителю и Спасе нашъ, слава Тебѣ!“ Язычникъ же чувашъ молится: „Боже, добра дай, здоровья дай! За новый хлѣбъ благодарю, кланяюсь: отъ одного посѣяннаго зерна тысячу зеренъ дай“. „Боже, Ты благословилъ насъ благополучно дожить до настоящей поры, затѣмъ сподоби благополучно встрѣтить лѣто... Если Ты благоволилъ создать насъ, то и пропитать благоволи. Ахъ, ахъ Боже, ахъ Податель, слава Тебѣ за сотвореніе насъ! Если бы Богъ-Податель не создалъ насъ, то намъ не вѣдать бы этого дня, не пивать бы этого пива“¹⁾... Какая сухая и низменная молитва! Здѣсь просьба и благодарность выражены такъ, какъ это дѣлаютъ люди, обращаясь другъ къ другу.

Христіане вмѣстѣ съ почитаніемъ и призываніемъ Единого Бога и Его Пречистой Матери, почитаютъ и призываютъ себѣ на помощь ангеловъ и святыхъ Божіихъ, вѣруя, что они могутъ помогать намъ не сами по себѣ, но какъ ходатаи и молитвенники наши предъ Господомъ Богомъ. Чуваша, напротивъ, призываютъ себѣ на помощь различныхъ духовъ — добрыхъ и злыхъ, предполагая, что они сами, какъ божества, могутъ насылать бѣдствія и отвращать зло. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ заключать, что чуваша признаютъ существованіе многихъ боговъ, они вѣруютъ въ Единого Бога, пребывающаго на небесахъ, сотворившаго міръ и управляющаго имъ и въ тоже время признаютъ существованіе множества духовъ добрыхъ и злыхъ, обитающихъ въ различныхъ мѣстахъ на землѣ, которые могутъ

¹⁾ Изъ молитвословій по окончаніи полевыхъ работъ.

насылать на людей счастье и несчастье, богатство и бѣдность, здоровье и болѣзнь. Чуваши говорятъ: „на свѣтѣ одинъ Богъ, Ему можно молиться вездѣ: и дома, и въ церкви, и въ керемети; если не ту, то другую молитву Онъ приметъ“.

Духи, въ которыхъ вѣруютъ чуваши и молятся, не дѣйствительные, а они плодъ празднои фантазіи самихъ чувашъ. Поэтому и молитвы чувашскія въ честь разныхъ духовъ составленныя самими грубыми чувашами, совершенно безсмысленны, безсодержательны, скучны, мертвы, безжизненны и имѣютъ цѣлю только удовлетвореніе однихъ земныхъ потребностей.

II.

Вотъ духи, къ которымъ чуваши обращаются въ своихъ молитвахъ и которые представляются въ воображеніи чувашъ болѣе злыми, чѣмъ добрыми.

1) *Кереметь*. Съ именемъ керемети чуваши соединяютъ нѣчто священное и неприкосновенное. Название это имѣетъ разныя значенія. Подъ именемъ керемети чуваши чтутъ высшее существо въ царствѣ злыхъ духовъ, а также и злобное потомство керемети, обитающее въ деревьяхъ, оврагахъ; наконецъ, кереметью чуваши называютъ и самыя мѣста — большею частію древесныя рощи — поклоненія и жертвоприношенія кереметямъ. Чуваши проходятъ мимо кереметей съ боязнію, подходятъ къ нимъ, когда нужно, съ трепетомъ. Въ мѣстахъ, которыя считаются кереметями, можно находить слѣдующія вещи: восковыя свѣчи, монеты, холстъ и полотенца, привязанныя къ деревьямъ въ жертву керемети, золу и другіе признаки совершенныхъ здѣсь жертвоприношеній. Керемети чуваши молятся такъ: „Теперь единая кереметь помилуй! Этого народа не оставь! дай добраго здоровья! Скоту, посѣянному хлѣбу, домамъ, дѣтямъ, деньгамъ благодать дай! Откуда дается, пусть будетъ незамѣтно: гдѣ берется, тамъ пусть не убываетъ. Кто меня почитаетъ, того почти, а кто меня не почтетъ, тому отомсти. Чукъ помилуй, неоставь. Аминь“.

2) *Пулухси*. Слово это происходит отъ слова „пулот“ — загорживаетъ путь; пулухси тотъ, который идетъ противъ ка-кого-либо дѣла, противникъ. Въ чувашскихъ сказкахъ пулухси представляется противникомъ Бога. Они еще говорятъ: „Богъ судиль, да пулухси рассудиль“. Поэтому нужно думать, что это такой духъ, который старается вредить людямъ. По Сбоеву, это есть такой духъ, который раздастъ людямъ счастливый или несчастный жребій, богатство или бѣдность.

3) *Пигамбаръ*. По языческимъ понятіямъ чувашъ прежняго времени, Пигамбаръ — духъ, раздающій людямъ, по опредѣленію *Кебе*¹⁾, душевныя качества и сообщающій юмзямъ²⁾ — предвидѣніе будущаго. По представленію же чувашъ послѣдняго времени, пигамбаръ — покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются „пигамбаровыми собаками“. Ему совершаютъ слѣдующее моленье: „Совершаемъ моленье скотнаго двора. Пигамбаръ, помилуй! Удерживай твою собаку-звѣря (волка)! Нашу скотину поправляй и побуждай къ умноженію! Одинъ конецъ да будетъ у проруби, а другой конецъ на скотномъ дворѣ“. Сбоевъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что *пигамбаръ* у чувашъ „превратился во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца“.

4) *Хурбанъ*. Это слово значить лещъ и жертва. Кажется, что хурбанъ-лещъ превратился у чувашъ въ особаго духа потому, что самъ приносился въ жертву духамъ.

5) *Хиртъ-сортъ* — кикимора, домовая. По представленію чувашъ, кикимора имѣетъ видъ женщины; живетъ она постоянно па печи и занимается пряжей, причемъ кольцо, надѣваемое обыкновенно прядильщицами на веретено для тяжести, у нее серебряное. Въ несчастныхъ случаяхъ совершаютъ ей моленіе въ домахъ. Предъ молениемъ всѣ домашніе моются въ банѣ и надѣваютъ на себя чистыя и бѣлыя рубахи. Потомъ варятъ въ котлѣ пшеничную кашу, вываливаютъ ее изъ котла въ большое

1) *Кебе* — духъ, управляющій судьбами человѣческаго рода.

2) *Юмзи* — чувашскіе жрецы, прорицатели.

деревянное блюдо и ставят его на печь; затѣмъ всѣ домашнію, расположившись на печкѣ вокругъ блюда, ѣдятъ изъ онаго кашу съ масломъ и яицами, накрошенными въ кашу. Каша съѣдается не вся, половина ея оставляется къ слѣдующему дню на печкѣ же. На слѣдующій день рано утромъ, каша вся съѣдается тѣмъ же порядкомъ. При моленьи хирть-сорту постороннія лица не должны присутствовать. Хирть-сорту читается слѣдующая молитва: „Помилуй, Хирть-сортъ! не оставь! По приходѣ въ домъ, дай въ дому изобиліе. Охраняй избу и надворное строеніе — охраняй отъ огня, отъ воды, отъ ненавистнаго врага“...-

6) *Вупкынъ* — буквально значить пучина, водоворотъ, пропасть, въ переносномъ—прозорливый, обжора;—и духъ зготъ имѣеть тоже свойство. Ему съ семействомъ его дѣлается моленье въ предупрежденіе и прекращеніе повальныхъ болѣзней—холеры, чумы, падежа скота и читается слѣдующая молитва: „Во имя Бога! вупкынъ богъ, отецъ вупкына, мать вупкына, помилуйте! Изъ снисхожденія простите! Очистивъ деревенскую болѣзнь, удалитесь! Не посылайте мучительной болѣзни. Ступайте на всѣ четыре стороны свѣта куда угодно, а въ нашей деревнѣ не пребывайте“. Противъ вупкына существуетъ еще наговоръ слѣдующаго содержанія: „Во имя Бога! Одинъ Богъ не оставь! Тьфу! Отъ Бога помилованіе да придетъ, отъ Царя благодать да придетъ, отъ юмзей, отъ наговорщиковъ, польза да коснется больнаго! Тьфу! Выдь вупкынъ изъ этого человѣка“...

7) *Іе*. Чувашское представленіе объ *іе* вполне аналогично съ славянскимъ представленіемъ о *чурь*. Какъ славянской чурь послѣ обратился въ „домового“,—въ высшей степени привередливое существо, враждебно доброе, такъ и чувашскій *іе* обратился въ вечерняго и ночнаго духа, столь же привередливаго, какъ и русскій „домовой“. По представленію чувашъ, *іе* отличается особенною блѣдностію. Дѣйствіями его чуваша считаютъ простуды отъ воды и сыраго воздуха, горячки, лихорадки и апоплексическій ударъ. Апоплексія и называется у чувашъ „*іе чумлат*“,—значить: „домовой жуеть“. Мольбы ему никакой не дѣлають, но существуетъ противъ него наговоръ слѣдующій: „Единъ Богъ не оставь! Тьфу! Отъ Бога помилованіе да при-

доть, отъ Царя добро да придетъ, отъ юмзи - заклинательницы польза да получится! Тьфу! Выдь *ie*. Я пришелъ изгнать тебя. Тьфу!“ *Ie* прежде жилъ на небѣ вмѣстѣ съ Богомъ; затѣмъ Богъ разгнѣвался на него и столкнулъ съ неба.

8) *Вубырѣ* — колдунъ, вѣдьма, баба-яга. Ему приписываютъ чуваша затмѣніе луны. Про лунное затмѣніе чуваша выражаются: „*уйына вубырѣ сятъ*“ — луну вубырѣ съѣдаетъ, и во время луннаго затмѣнія кидаютъ по направленію къ лунѣ вилы, чтобы напугать вубыра. Вубырѣ достигаетъ до луны, по мнѣнію чувашъ, верхомъ на коромыслѣ. Самая луна у нихъ представляется не болѣе какъ небеснымъ караваемъ или кругомъ сыра, который во временахъ подвергается съѣденію вубыромъ. Чувашская загадка говоритъ про луну. „на верху дома полъкаравая лежитъ“. Противъ вубыра тоже существуетъ наговоръ.

9) *Албаста*, по мнѣнію чувашъ, есть такой злой духъ, который является къ женщинамъ, лишившимся по какому-либо случаю своихъ любимыхъ мужей, родителей или дѣтей, и тоскующимъ о нихъ. Онъ является къ нимъ въ видѣ любимыхъ ими лицъ, производитъ также сумасшествіе и бѣснованіе. Мольбы ему никакой не бываетъ, но юмзи, по мнѣнію чувашъ, отворачиваютъ его своими извѣстными средствами.

10) *Эзрель* — духъ смерти, ангелъ смерти. Словомъ—эзрель чуваша выражаютъ олицетвореніе смерти.

11) *Убтэ* — русалка. По вѣрованію чувашъ, убтэ водится въ большихъ лѣсахъ и имѣетъ видъ человѣческой, но у него кожа совершенно черная. Убтэ, увидавъ человѣка въ лѣсу, гонится за нимъ, и, поймавъ его, замучиваетъ до смерти щекоткой.

12) *Тюръ-киль* — злѣйшии духъ. Дѣйствія его суть чахотка, гнилыя горячки и другія подобныя симъ болѣзни, причиняющія человѣку неминуемую смерть. По совѣту юмзей, можно умолить его тогда только, когда больной прибѣгаетъ къ нимъ въ самомъ началѣ болѣзни. Молятъ ему прежде тонкими небольшими лепешками, жареными на сковородѣ въ одномъ маслѣ, къ нимъ присоединяютъ кашу, варенную также съ масломъ. Если больной не выздоровѣетъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени

молятъ его еще гусемъ, овцой, затѣмъ быкомъ, и, наконецъ, лошадыю. Злыхъ, сердитыхъ и непокойныхъ людей чуваша называютъ въ насмѣшку „тюрь килемъ“.

13) *Хирле-съръ* — красный яръ. Упоминается въ молитвахъ чувашъ всѣхъ мѣстностей. По всей вѣроятности это есть названіе какой-либо древней чувашской керемети, находящейся на высококомъ берегу рѣки.

14) *Ирихъ*. Всѣ вышеизложенные духи не имѣютъ своихъ особенныхъ изображеній, но ирихъ имѣетъ. Онъ изображается въ видѣ куклы, сдѣланной изъ дерева, желѣза, мѣди или олова. Иногда изображеніе ириха замѣняется простою кадочкой или кузовкомъ, поставленными, или повѣшенными въ углу амбаровъ и наполняемыми разными съѣстными приношеніями: хлѣбомъ, лепешками, кашей, масломъ и мясомъ, что служитъ прекрасной приманкой для кошекъ, крысъ и мышей. Если положенное ириху истребляется, то, по понятіямъ чувашъ, ирихъ доволенъ и хозяинъ дома этому не нарадуются. Не лишень интереса анекдотъ, который и до настоящаго времени можно слышать не между русскими только, но и мало-мальски обрусѣвшими чувашами, чему понятно и до сего времени закоренѣвшими въ своихъ вѣрованіяхъ чувашами придается большое значеніе и вѣра. Въ дому почетнаго чувашина былъ *ирихъ*, хранившійся въ большомъ кошелѣ, имѣющемъ довольно порядочное отверстіе, прогрызенное крысами. Къ нему приходять гость, пріятель и сосѣдъ изъ русскихъ, и между разговорами слышитъ, подъ нарами у чувашина что-то возится. Онъ обращается къ хозяину-чувашину за разъясненіемъ, и тотъ говоритъ, что у него тамъ ирихъ, и, по всей вѣроятности, теперь закусываетъ; посѣтителя это заинтересовало, онъ внимательно сталъ присматриваться, и что же оказывается? Тамъ возится крыса. „Да у васъ ирихъ — настоящая крыса“, — сказалъ гость хозяину. На это хозяинъ дома нашелся только сказать, что *ирихъ* можетъ видъ свой измѣнять по своему усмотрѣнію.

Ириху, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, приносятся еще мелкія монеты, разные обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ. Даже самые кузовья или кошелы,

въ которыхъ хранится *ирихъ*, украшаются разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ — серебряными монетами.

Ирихъ, специализировавшійся на наружныхъ болѣзняхъ, является причиною, преимущественно, слѣдующихъ изъ нихъ: дурныхъ угрей и нарывовъ, рапъ всякаго рода и слѣпоты глазъ. Кого постигаетъ такая болѣзнь, тотъ долженъ по совѣту юмзи, для умиловленія ириха, принести послѣдному въ жертву кисель изъ пшеничной муки, или небольшія круглыя и толстыя лепешки съ углубленіемъ на срединѣ, куда льютъ масло и кладутъ соли, киселя и пшена. Жертву приносятъ къ идолу и просятъ у него съ поклономъ прощенія, произнося слѣдующія слова: „вотъ я тебѣ, ирихъ, приношу въ жертву кисель съ лепешками изъ пшеничной муки и прошу тебя дать (имя больнаго) облегченіе въ его болѣзни. Впередъ ты его не тронь и сохрани его отъ всѣхъ болѣзней, за что я тебѣ ежегодно буду приносить въ жертву кисель съ лепешками и т. п.“ Въ трудныхъ случаяхъ, кромѣ означенныхъ предметовъ, приносятъ въ жертву ириху нѣсколько ягнятъ, по назначенію юмзи.

15) *Кармалъ* — это былъ нѣкогда человекъ и проживаль съ своей шайкой въ глухихъ мѣстахъ, наводя страхъ и трепетъ на окружающихъ. Мѣста эти въ глухихъ лѣсахъ Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Такъ одна рѣка съ высокими и крутыми берегами прямо носить названіе „Кармала“. Есть также и луга Кармаловы. Рѣка и луга эти на южной сторонѣ села Сугуть; недалеко отъ села Большихъ Арабузей есть равнина, носящая названіе „Кармала“. По мнѣнію чувашъ, духъ его до настоящаго времени пребываетъ въ этихъ мѣстахъ. Кому случится быть на мѣстахъ, носящихъ названіе „Кармалъ“, долженъ тутъ же принести что-нибудь духу Кармала, иначе за право проѣзда или пребыванія онъ взыскиваетъ сторицею. Ему приносятъ чуваша немного муки или крупы и соли, или же кусокъ хлѣба.

16) *Темень*. Онъ былъ, по мнѣнію чувашъ, полководецъ. Прошло то благодатное время, рассказываетъ чувашская легенда, когда чуваша подъ покровительствомъ Теменя, великаго полководца и премудраго правителя пользовались всѣми благами при-

роды. Темень былъ мужъ великой силы, владѣвши всей премудростью, какую могутъ дать всѣ искусства и науки. При немъ чувашь не смѣлъ обидѣть ни одинъ лютейшій врагъ. При немъ чуваша были не такіе, какихъ мы видимъ въ настоящее время: ободряемые и воодушевляемые примѣромъ своего полководца они нападали на какого угодно непріятеля, бросались на какую угодно опасность. Даже и женщины чувашскія тогда были обучены военному искусству, носили, какъ и мужчины, военные доспѣхи и шлемы и сражались наравнѣ съ мужчинами, въ воспоминаніе чего и по настоящее время носятъ шлемообразные головные уборы. Темевъ владѣлъ многими непостижимыми тайнами; стоялъ онъ безъ всякаго вреда подъ дождемъ вражскихъ стрѣлъ и копій. Прекрасный правитель былъ Темень, отечески заботился о чувашахъ, съ охотой умиротворялъ враждующихъ чувашь, и судилъ справедливо. И было тогда у чувашь всего вдоволь: и скота, и хлѣба, и меда. Но человекъ не вѣченъ, пришло время умирать и Теменю. Передъ смертью онъ собралъ чувашь и говорить имъ: „друзья, братья и сестры! Благодареніе Богу, довольно пожилъ я съ вами, старался всячески о вашемъ благополучіи, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Пришло теперь время мнѣ оставить васъ и отойти въ иной міръ; живите вы дружно и мирно, вмѣсто же меня изберите храбреца, готоваго за васъ на всѣ опасности“. Чуваша стали плакать и умолять Теменя не покидать ихъ. Въ утѣшеніе имъ онъ сказалъ: „совсѣмъ я не покидаю васъ; наступятъ для васъ дни страданія и нужды, тогда вы обратитесь ко мнѣ и я избавлю васъ“. Въ одно прекрасное время, чуваша, порядочно выпившіе медянаго кваса, заспорили о томъ, явится Тюмень или нѣтъ. Одни говорили, что во дни невзгодъ Темень явится, другіе — нѣтъ. Неблаго-разумные предложили сдѣлать опытъ. Предложеніе было принято и опытъ сдѣланъ. Вотъ чуваша вышли и давай кричать: „Темень, спасай насъ, погибасмъ!“ О диво, о ужасъ! Съ горы съѣзжаетъ Темень со всей свитой: какъ лунь сѣдой, высокій, широкоплечій, на сивомъ конѣ. Подъѣхалъ къ спорившимъ чувашамъ, посмотрѣлъ кругомъ и не увидѣлъ никакой опасности для нихъ. Тогда въ пылу негодованія за напрасное безпокойство,

онъ гнѣвно сказалъ чувашамъ: „за то, что вы меня потревожили напрасно, вы будете просить и умолять вѣчно, но тщетно: болѣе къ вамъ я не явлюсь“. Сказавъ это, онъ скрылся. И теперь чувашаи призываютъ Теменя въ своихъ молитвахъ, приносятъ ему жертвы, но все напрасно. Жертвоприношеніе Теменю совершается такъ: варится гусь и каша; предъ молитвой молодежь высылается изъ избы во избѣжаніе нарушенія благочинія и тишины. Послѣ молитвы говорится такъ: „Теменю гусь и каша, уздодержцу его блинъ, воротоотворителю вотъ блинъ, конехранителю блинъ, провожатымъ по блину. Помилуй Темень, помилуйте его служители“.

Кромѣ описанныхъ духовъ въ чувашскихъ молитвахъ встрѣчаются названія и другихъ духовъ. Каждое селеніе имѣетъ своихъ духовъ, которымъ даны и особыя названія, по отведеннымъ имъ мѣстамъ. Всѣхъ духовъ, которые упоминаются въ чувашскихъ молитвословіяхъ, около 90.

III.

Всѣ духи призывались чувашами въ своихъ языческихъ молитвословіяхъ почти наравнѣ съ именемъ Божіимъ, хотя представлялись въ глазахъ ихъ болѣе злыми, чѣмъ добрыми. Чувашаи относились къ нимъ съ большимъ страхомъ, боялись оскорблять ихъ, особенно тихо и скромно вели себя около кереметей, не позволяя здѣсь ругаться или ссориться съ кѣмъ бы то ни было, даже со скотиной, рассказывали про нихъ разныя небылицы, что производило на маленькихъ дѣтей довольно сильное и глубокое впечатлѣніе. Бывало, мы, маленькіе дѣти, отправимся въ кереметь за ягодами и здѣсь ведемъ себя въ высшей степени скромно, мимо каждой березы проходимъ со страхомъ и трепетомъ; березы были старыя, толстыя, страшныя, памъ такъ и представлялось, что въ нихъ обитаютъ злые духи; а къ амбару, который былъ кругомъ загороженъ жердями, боялись даже и подойти. По возвращеніи изъ керемети, если кто-нибудь захворалъ, то болѣзнь приписывали обыкновенно недостаточно скромному и осторожному поведспію въ керемети. Около нашего селенія было

три керемети и они носили разныя названія; особенно заводила на насъ страхъ „аслы кереметь“ (старшая кереметь); туда мы ходили очень рѣдко, такъ какъ она находилась далеко (версть 7) отъ селенія. Однажды у насъ заболѣлъ родственникъ. Для выздоровленія его нужно было, по совѣту юмзи, совершить моленье этой именно— „аслы керемети“ бараномъ. Когда пришелъ назначенный день для поѣздки въ кереметь, мы отправились туда на четырехъ подводахъ. Зачѣмъ насъ, маленькихъ дѣтей, взяли туда, я теперь не могу объяснить. По всей вѣроятности, насъ манила туда баранина. Я былъ первый разъ здѣсь. Мнѣ показалось страннымъ, почему эта кереметь называется старшей, тогда какъ она находилась почти на ровномъ мѣстѣ и березы были здѣсь довольно молодыя и красивыя, а прежде видѣнныя керемети расположены были на глубокихъ оврагахъ. По совершеніи моленья мы возвратились домой довольные и сытые. Это было лѣтъ 17—18 тому назадъ.

„Кереметь, ирихъ и другія чувашскія божества, говорить г. Охотниковъ ¹⁾ въ своемъ „воспоминаніи изъ дѣтской жизни“, имѣютъ большое вліяніе на духовную жизнь чувашскихъ дѣтей. Я помню, какое вліяніе имѣли они на мое душевное настроеніе, на духовную жизнь вообще, въ моемъ дѣтствѣ. Когда мнѣ было около семи или восьми лѣтъ, я оставался въ избѣ съ своею бабушкою, а между тѣмъ другіе члены семейства уходили или на полевыя работы, или просто занимались домашними работами по двору. Моя бабушка была большая поклонница чувашскимъ божествамъ. Иначе и не могло быть; потому что, хотя она и знала, что мы крещены и что у насъ есть въ селѣ церковь верстахъ въ 12-ти отъ нашей деревни, она не понимала сущности православной религи, какъ и прочіе члены нашей семьи. Она сидитъ бывало и начинаетъ перечислять ирихи и керемети, которымъ, по строго установленному порядку, нужно было сдѣлать

¹⁾ Никифоръ Михайловъ Охотниковъ изъ чувашъ дер. Чебоксарки, Чистопольскаго у., Казан. губ., но окончавши курса въ Симбирской Чувашской школѣ былъ нѣсколько лѣтъ сельскимъ, затѣмъ Симбир. чув. школы, учителемъ и, наконецъ, поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ и скончался въ послѣдній годъ ученія.

жертвоприношенія въ теченіе года. Въ нашемъ семействѣ она хорошо знала всѣ обряды и порядки моленій чувашскимъ божествамъ. Тогда ей было 70 лѣтъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ помнится. Она иногда охала и называла ту или другую кереметь, отъ которой страдалъ тотъ или другой членъ семьи либо кожей, либо глазою, либо другою болѣзнью. Вдругъ входитъ какая-то женщина въ избу, въ рукахъ у нея деревянная чашка, покрытая грязноватымъ холотенцемъ. Бабушкѣ объясняетъ, что она принесла мимеръ. Это кушанье въ родѣ толокна и варится въ маслѣ. Мимеръ для чувашина представляетъ лакомое кушанье. Затѣмъ идетъ длинный рассказъ, какъ ея сынъ или дочь позволили себѣ неблагопристойно вести себя, проходя мимо нашей клѣти, гдѣ висѣло лукошко изъ вязовой коры (мѣстопребываніе ириха). Бабушка, обыкновенно, брала чашку съ мимеромъ и отправлялась въ клѣтъ къ ириху. За нею шелъ и я — неотступный спутникъ ея въ подобныхъ случаяхъ. Я интересовался, съ одной стороны, самимъ ирихомъ, а съ другой — меня не мало привлекалъ и мимеръ. Бывало мы съ нею таинственными шагами подходимъ къ двери и входимъ въ клѣтъ къ ириху. Она пачинаетъ ему молиться съ благоговѣніемъ, обратившись лицомъ къ лукошку, которое висѣло въ углу за дверью, а я осматриваю издали оловянные блески, которыя висѣли тутъ же около лукошка и блестѣли, какъ мышиные глазки. Бабушка проситъ ириха, чтобы онъ исцѣлилъ глаза больнаго или чирьи, появившіеся на тѣлѣ его. Потомъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, беретъ ложку маслянаго мимера и кладетъ въ лукошко, а принесенную оловянную блеску привѣшиваетъ къ лукошку. Затѣмъ уже я могъ ѣсть тутъ и мимеръ, для чего большею частію я и ходилъ съ бабушкою въ клѣтъ. Возвратившись въ избу, я и бабушка сядились за столъ и доѣдали остатки мимера. Намъ помогала и женщина, которая принесла мимеръ для моленія ириху. Бабушка, будучи глубоко религіозною женщиною (конечно, по язычески), и намъ дѣтямъ внушала свои религіозныя чувства по отношенію къ языческимъ божествамъ. Мы около этой клѣти никогда не смѣли не только браниться, но и произнести какого-либо сквернаго слова. Точно также вели себя тутъ и старшіе

члены семейства. Отсюда намъ ставовится нѣсколько понятнымъ, какое значеніе имѣлъ ирихъ въ нашемъ домѣ“¹⁾).

И въ настоящее время чувашскіе старики и старухи, особенно тѣ, которые не слышали проповѣди Слова Божія на понятномъ родномъ языкѣ, считаютъ священною обязанностію исполнять въ точности тѣ или другіе обряды и молитвословія языческія. Они говорятъ: „наши дѣды и отцы жили по той вѣрѣ, соблюдали всѣ обычаи наши и намъ завѣщали строго соблюдать ихъ. На землѣ 77 вѣрѣ, 77 языковъ, 77 народовъ, 77 деревьевъ, 77 травъ и пр. Какъ березу нельзя сдѣлать липой, какъ свинью нельзя обратить въ овцу, такъ и насъ, чувашъ, не сдѣлають русскими“. Свою чувашскую вѣру они считаютъ выше христіанской, и думаютъ, что за твердое содержаніе ея Господь награждаетъ ихъ земными благами. Они говорятъ: „когда наши дѣды и отцы жили по своей вѣрѣ, они ни въ чемъ не нуждались, у нихъ всего было вдоволь, а какъ наши дѣти начали оставлять чувашскую вѣру и жить по русской, то Господь на насъ прогнѣвался и наказываетъ насъ то неурожаемъ хлѣба, то другими бѣдствіями. Бывало, мы молились цѣлыя недѣли, па моленьяхъ присутствовали всѣ —отъ малаго до стараго, въ это время ничего не работали, потому и нужды никакой не видѣли... Теперь уже не то время, молодежь не слушается стариковъ, начинаетъ жить по новой русской вѣрѣ и не хравитъ наши обычаи и моленья, за то и бѣды увеличиваются“. Такъ воспоминаютъ чувашскіе старики и старухи свое прошлое время. Это воспоминаніе составляетъ для нихъ великое наслажденіе. Въ моемъ приходѣ есть одна старуха-чувашка, ей уже болѣе 100 лѣтъ; она въ высшей степени упорная, никогда не носитъ на себѣ св. креста, и если дѣти надѣнутъ на нее крестъ, то она старается его снять съ себя и выбросить. Свое долголѣтіе она считаетъ наградой отъ Бога за сорокалѣтнее служеніе въ керемети. Она говоритъ: „сорокъ лѣтъ я молилась въ керемети, батюшка, сорокъ лѣтъ приносила Богу жертву, за это Господь и далъ мнѣ такую долгую жизнь“.

1) Письма Н. И. Ильминскаго, стр. 292—294.

IV.

Чувашскія языческія молитвословія и съ внѣшней стороны не отличаются привлекательностію и торжественностію, и не возбуждаютъ въ зрителѣ молитвеннаго настроенія подобно христіанскимъ молитвамъ.

Какое же можетъ быть сравненіе между чтеніемъ чувашскими юзьями какихъ-то безсмысленныхъ, безсодержательныхъ молитвъ и наговоровъ и нашимъ церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ? Всѣ христіанскіе обряды и священнодѣйствія имѣютъ свое начало въ глубокой древности, установлены св. церковію и служатъ къ пріятію вѣрующими невидимыхъ благодатныхъ даровъ и къ возбужденію въ насъ духа молитвеннаго, а чувашскіе языческіе обычаи и обряды, выдуманные самими чувашами, скорѣе являются средствами къ соблазну и неумѣренному удовлетворенію однѣхъ чувственныхъ потребностей. Главную и непремѣнную принадлежность чувашскихъ языческихъ моленій составляетъ пища и питіе, безъ чего не совершается ни одно моленье. Къ каждому моленью готовится кушанье, варится пиво, покупается вино, а во время общественныхъ моленій самую большую часть времени проводятъ чувашаи въ приготовленіи пищи и употребленіи ея, на самую же молитву посвящаютъ ничтожную часть времени. Они молятся или стоя на ногахъ предъ пищей, или стоя на колѣняхъ предъ жертвенными котлами, или сидя на колѣняхъ; обращаются лицомъ къ востоку, держа свои шапки подъ лѣвой мышкой, если моленье происходитъ въ полѣ. Когда же молитва совершается въ домѣ, то чувашаи становятся лицомъ къ двери, — которая при этомъ растворяется настежь. Никакихъ изображеній на себѣ рукой, подобно, напр., христіанамъ, или мухаммеданамъ, чувашаи не дѣлаютъ. Иногда они кладутъ земной поклонъ, напр. предъ столбомъ на току, во время моленья по окончаніи молотбы, предъ водой, гдѣ живетъ водяной духъ и т. п. Равнымъ образомъ у нихъ не имѣется никакихъ видимыхъ изображеній ихъ духовъ, или идоловъ, кромѣ *приха*. Лицами, исполняющими языческія молитвословія и религиозные обряды являются преимущественно старики и старухи.

скорѣе походятъ на какой-то веселый пиръ, гдѣ ничто не напоминаетъ о будущей жизни и о молитвѣ за души умершихъ. Здѣсь у нихъ допускается пьянство, игра на скрипкѣ, пѣсни и пляски. Хотя чуваши и желаютъ своимъ умершимъ быть въ раю, но о раѣ имѣютъ самое грубое и чувственное представленіе, — такъ они желаютъ, чтобы умершіе тамъ женились и выходили замужъ.

Интересно знать, молятся ли чуваши за Царя? Въ чувашскихъ молитвахъ Царь поминается не рѣдко. Такъ въ молитвѣ за обѣдомъ или ужиномъ чуваши читаютъ: „благодарю землю, воду и Царя за то, что меня накормили, напоили“. Во время общественныхъ бѣдствій молятся Богу, чтобы Онъ помогъ имъ платить подати добраго Царя. Въ нѣкоторыхъ наговорахъ имя Царя призывается наравнѣ съ именемъ Божиимъ. О личности Царя чуваши самага высокаго мнѣнія. Они говорятъ: „на небѣ Богъ, на землѣ Царь“. Этимъ они выражаютъ то, что небомъ управляетъ Богъ, а землей—Царь. Его они представляютъ существомъ неприкосновеннымъ, священнымъ и добрымъ. Если у чувашъ нѣтъ особыхъ молитвъ за Царя, какъ у христіанъ, то это объясняется бѣдностію чувашскихъ молитвъ. Имъ не чужды патріотическія чувства къ Россіи. Чуваши исправно платятъ подати, никогда не уклоняются отъ исполненія воинской повинности и несутъ службу усердно и исправно. Чуваши совершенно чуждаются такихъ мыслей и понятій о Царской власти, какія свойственны нѣкоторымъ русскимъ сектантамъ и социалистамъ. Тѣмъ не менѣе есть люди, которые обвиняютъ не только чувашъ, но ихъ просвѣтителей—чувашскихъ священниковъ и учителей во враждебномъ отношеніи къ русской народности и вообще ко всему русскому. Это уже чистѣйшая ложь и клевета.

V.

Таковъ въ общемъ характеръ чувашскихъ языческихъ молитвословій и наговоровъ. При изложеніи ихъ мы имѣли въ виду главнымъ образомъ чувашъ, придерживающихся старины, како-

выхъ еще не мало среди чувашскаго племени. Такимъ образомъ представляется настоятельная необходимость для пастыря-миссіонера научить чувашъ молиться Единому Истинному Богу и призывать себѣ на помощь св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, а не злыхъ духовъ, — показать имъ значеніе истинной христіанской молитвы и ложность чувашской языческой. Пастырямъ слѣдуетъ разъяснить чувашамъ, что только Богъ истинный, живой и всемогущій, можетъ помогать человѣку въ нуждахъ: *„и да послужиши Господу Богу твоему: и благословлю хлѣбъ Твой, и вино Твое, и воду Твою, и отверашу болѣзнь отъ васъ. Не будетъ безчаденъ, ниже неплоды на земли твоей, число дней Твоихъ исполню“* (Исх. 23, 24—26). Единъ Онъ содержитъ все въ Своей власти, всѣмъ даетъ дыханіе и жизнь, отъ Него мы получаемъ все доброе и полезное, а потому Ему Единому должны воздавать честь и славу; къ Нему Единому должны быть обращены взоры и молитвы всѣхъ разумныхъ людей, а различные духи, которыхъ призываютъ чуваша въ своихъ молитвахъ, противники Богу и обращающіеся къ нимъ совершаютъ тяжкій грѣхъ.

Вразумляя чувашъ, пастыри особенно должны обращать вниманіе на доселѣ продолжающіеся среди нихъ языческія жертвоприношенія. Сообщая имъ, какъ можно проще и яснѣе, ученіе о жертвѣ Христовой, безкровной, пастыри должны указывать имъ пагубность и бесполезность языческихъ жертвоприношеній. Господь говоритъ: *„Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцовъ и агнцовъ, и козловъ — не хочу“*. (Ис. 1, 11). Чтобы заслужить милость и благоволеніе Божіе нужно не быковъ, барановъ и гусей рѣзать, а нужно исполнять Его святую волю. Вотъ что сказано въ Словѣ Божіемъ: *„Аще слухомъ послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранить и творити вся заповѣди Его, и придутъ на тя вся благословенія сія... Отверзетъ тебѣ Господь сокровище Свое благое, небо, еже дастъ дождь земли твоей во время свое... И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранить и творити вся заповѣди Его, и придутъ на тя вся клятва сія... Поразитъ тя Господь стужею и жженіемъ, и убійствомъ и вѣтромъ тлетвор-*

нымъ... И будетъ небо надъ главою твоего мѣдяно, и земля подъ тобою желѣзна“ (Втор. 28, 1, 2, 12, 15, 22, 23).

Напрасно чувашаи укрываются для своихъ языческихъ жертвоприношеній въ темные лѣса и скрытно предаются тамъ служению демонскому. Невозможно укрыться отъ истиннаго Бога: „насаждей ухо не услышитъ ли и создавый очи не смотряетъ ли“ (Псал. 93, 8—9). „Аще утаится человѣкъ въ сокровенныхъ, и Азъ не узрю ли его? егда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь“ (Иерем. 23, 23—25). Итакъ, должно поклоняться только Единому Господу Богу.

Далѣе, обличая юмзей или ворожецовъ, губящихъ простыя сердца и души своихъ собратій-чувашъ, — пастырямъ слѣдуетъ напоминать какъ юмзямъ, такъ и чувашамъ: „аще же встанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй соніе и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и прійдетъ знаменіе или чудо, еже рече тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богомъ инымъ, ихже не вѣсте; да не послушаете глаголь пророка того, или видящаго сонъ той: яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже увѣдати, аще любите Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ, и всею душею вашею. Во слѣдъ Господа Бога вашего ходите и того бойтесь, и заповѣди Его сохраните и гласа Его послушайте, и Тому служите, и къ Нему прилѣпитесь и пророкъ той или видяй сонъ да умереть“... (Втор. 13, 15).

Въ случаѣ разныхъ болѣзней, посѣщающихъ чувашъ, внушать имъ обращаться съ молитвою къ Богу и за пособіями врача, а не прибѣгать къ разнымъ молепіямъ, заговорамъ и наговорамъ юмзей. „Господь созда отъ земли врачеваніа и мужъ мудрый не возгнушается ими... Дажь мѣсто врачу, Господь бо его созда“. (Сир. 38, 12, 14). Юмзи и керемети не могутъ избавить отъ разныхъ болѣзней, обращеніемъ къ нимъ можно только навлечь гнѣвъ Праведнаго Судіи. Господь говоритъ: „не слушайте волхвующихъ вамъ, пи чарованій вашихъ, ни обаятелей, яко лжу прорицають вамъ тіа“ (Іер. 27, 9).

Нѣкоторые чувашаи считаютъ безразличнымъ молиться Богу гдѣ бы то ни было: въ храмѣ ли Божіемъ, въ керемети ли, или въ домахъ. Есть среди нихъ и такіе, которые домашнюю

молитву считаютъ выше церковной; особенно это замѣчается тамъ, гдѣ чувашское население соприкасается съ магометанами. Послѣдніе всячески стараются отвлечь первыхъ отъ хожденія въ храмъ Божій, называя св. иконы идолами, а храмъ Божій домомъ идоловъ. Поэтому пастырямъ слѣдуетъ объяснять чувашамъ, что строить храмы научилъ людей Самъ Господь Богъ: „все сдѣлайте, какъ я показываю тебѣ, и образецъ скинии и образецъ всѣхъ сосудовъ ея... какой показалъ тебѣ на горѣ“. (См. Исх. 25, 8, 9, 40). Керемети же выдумки самихъ чувашъ. Храмъ есть мѣсто особаго присутствія Божія на землѣ, а кереметь — мѣсто присутствія злыхъ духовъ. Въ храмѣ молятся Истинному Богу, который слышитъ молитву своихъ рабовъ, а въ керемети молятся разнымъ злымъ духамъ, которые не могутъ слышать молитву чувашъ.

Въ храмахъ христіанскихъ приносится безкровная жертва Христова, жертва благодарственная, умиловительная, истинная и спасительная, а въ кереметяхъ чувашскихъ совершается богопротивная и богомерзкая жертва, которая пріятна не Богу, а Его врагу — діаволу. Жертва церковная спасаетъ насъ отъ вѣчныхъ мученій, а жертва кереметская напротивъ служитъ причиною гибели.

Широкое поле дѣятельности предстоитъ пастырямъ чувашскихъ приходоу въ утвержденіи христіанства среди чувашъ.

Свящ. А. Ивановъ.

(Издание второе).

Оттискъ изъ №№ 4, 5 и 6 „Православнаго Благовѣстника“ за 1900 г

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 10 іюня, 1900 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиларевскій.*

Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. домъ.

